

Предисловие

*Год тысяча триста сорок четвертый
от Рождества Христова...*

Война Роберта Брюса с Англией за шотландский трон подошла к решающему этапу: на чашу весов брошена свобода народа.

Прошло восемь лет после сокрушительного поражения в битве при Метвене, когда Брюсу, словно преступнику, пришлось бежать из собственного королевства, он избегал открытой схватки с англичанами на поле боя — смертельного противостояния двух армий. Вместо этого, окруженный лучшими воинами Хайлендской гвардии, он вел «тайную войну», прибегал к разбойничьим приемам, нападал из засады, хитростью и обманом побеждал своих врагов — как англичан, так и шотландцев — и освободил от захватчиков большую часть важнейших шотландских замков-крепостей, уничтожив размещенные в них английские гарнизоны.

Но только этим довольствоваться было нельзя. Без победы в решающем сражении — без знака воли Господней — законность притязаний Брюса на престол не признали бы ни англичане, ни остальной христианский мир. Однажды ему придется вступить в последнюю, главную битву. Между тем армия англичан вновь готовится к походу на Шотландию, и Брюс должен определиться, настал ли тот решающий час.

Пока войска трубят сбор, стягивают силы и готовятся к, возможно, величайшей битве всех времен, Брюсу снова предстоит довериться воинам тайной Хайлендской гвардии, как настоящим, так и бывшим.

Пролог

*Замок Хейгерстаун, Нортумберленд, Англия
Конец сентября, 1306 год*

Ужасная, гнусная ложь! Если бы она узнала об этом, не подслушивая тайком разговор двух надоедливых женщин, которых отец приставил присматривать за ней, Джоан Комин обязательно так бы и сказала.

Это просто не могло быть правдой. Ни один рыцарь не поступил бы так с женщиной. Даже английский король Эдуард, называющий себя «Молот Шотландцев», не способен на такую чудовищную жестокость.

Или способен?

Она почувствовала, как страх больно кольнул в груди. Джоан почти никогда не плакала, но сейчас ее глаза наполнились слезами, и она выскользнула из алькова, где читала книгу. Затем бесшумно поспешила вниз по витой лестнице замка на севере Англии, служившего им временным пристанищем. Ей хотелось закрыть уши руками, чтобы заглушить оскорбительные слова, звеневшие в ее голове. Покарать... изменница... клетка.

Нет! Сердце бешено колотилось, когда она пробежала через просторный главный зал, не обращая внимания на любопытные взгляды, которыми все присутствующие ее провожали, и бросилась к уединенным покоям отца. Распахнув большую дубовую дверь, Джоан ворвалась в комнату.

— Это неправда! Не может быть!

При виде сердито сдвинутых бровей на лице отца она ослепла и замерла. Внезапно опомнившись, Джоан выругала себя за то, что забыла постучать. Джон Комин, граф Бьюкен, терпеть не мог, когда его беспокоили, и хотя он редко обращал свой грозный гнев на дочь, одна мысль о том, что он может это сделать, заставила ее сердце забиться чаще.

— Ты забываешься, дочь моя. Что ты себе позволяешь? Как видишь, — он обвел рукой полдюжины рыцарей и баронов, сидевших за столом, — я очень занят.

Джоан тотчас почувствовала себя виноватой. Она прижала руки к груди и склонила голову, стараясь выглядеть скромной, почтительной — два этих качества отец больше всего ценил в женщинах (и в двенадцатилетних девочках, еще не достигших поры женского расцвета).

Потом она умоляюще подняла большие глаза.

— Пожалуйста, простите меня за то, что помешала вам, отец. Но я кое-что слышала... — Джоан понизила голос, хорошо зная, чем грозят ей эти дерзкие слова. — О матушке.

Она снова быстро опустила глаза, но успела заметить, как красивое лицо отца исказилось от ярости. Когда при нем упоминали о жене, от брака с которой он собирался вскоре избавиться, в лучшем случае граф терял всякое самообладание и рассудительность, а в худшем — впадал в неистовство, и тогда никто не мог предсказать, до чего доведет его гнев.

В комнате повисла гробовая тишина. Казалось, в воздухе сгустились напряжение и неловкость.

— Оставьте нас, — резко бросил отец своим людям.

Все с явной охотой исполнили его распоряжение: поспешно проследовали к двери, не глядя на Джоан

8 и стараясь не встречаться с ней взглядами.

Ее сердце упало. О господи, что, если это все же правда?

Слезы обжигали веки, и Джоан подняла взгляд на мужчину, сидевшего за огромным столом. Она не назвала бы его ласковым и любящим — отец никогда таким не был. Но в этом холодном, угрюмом, жестком человеке, каким он стал за последние полгода, сейчас невозможно было узнать ее родителя.

— Если ты говоришь о наказании вероломной твари, — жестокие слова заставили Джоан вздрогнуть, хотя она не раз слышала их от отца, — то это чистая правда, не сомневайся.

Кровь отлила от ее лица, колени ослабели. Бледная как смерть, девочка пошатнулась и, чтобы не упасть, рухнула на только что опустевшую скамью напротив отца.

— Но этого не может быть. Я слышала, что ее заперли в клетку и выставили на крепостном валу замка Берик... словно животное.

Взгляд отца стал колючим, жестким, холодным, как оникс, в глазах мелькнула несомненная злоба.

— Это правда.

От ужаса Джоан забыла об осторожности.

— Но это же варварство! Кто выдумал такое? Вы должны вмешаться, помочь ей! Король вас послушает.

Даже в Англии шотландский граф Бьюкен пользовался немалым влиянием. Мать Джоан тоже была важной особой. Изабелла Макдуфф, дочь прежнего графа Файфа и сестра нынешнего, принадлежала к одному из древнейших и знатнейших семейств Шотландии. Казалось немыслимым, что король Англии Эдуард мог подвергнуть подобному наказанию женщину, да вдобавок благородную даму, графиню, чье положение столь высоко... Конечно же, отец сможет положить этому конец.

Лицо графа побагровело, в глазах вспыхнул дьявольский огонь.

Девочка съежилась при виде отцовского гнева, который сама же так опрометчиво и вызвала.

— Я и пальцем не пошевелю! Шлюха получила по заслугам.

У Джоан перехватило дыхание, слезы душили ее. Матушка не шлюха! Ей хотелось кричать, спорить, но страх сковал язык.

Должно быть, угадав ее мысли, отец ударил кулаком по столу. Казалось, содрогнулась не только Джоан, но и вся комната.

— Возложить корону на голову своего любовника для нее оказалось мало, она, говорят, пустила в свою постель пирата, самого отъявленного злодея на всех Западных островах*. Лахлана Макруайри, — выплюнул он с отвращением, в уголках его рта пузырилась слюна. — Мерзавца, разбойника. Если ее заперли в клетку, точно зверя, то только потому, что бешеная похотливая тварь это заслужила.

Джоан любила мать больше всех на свете. Она не желала верить злым рассказам о ней. Люди лгали, чтобы ее опорочить. Подобная храбрость в женщине казалась им диковинной, противоестественной. Они выдумывали объяснения тому, что женщина осмелилась пойти наперекор воле не только мужа, но и самого могущественного короля во всем христианском мире. Осмелилась короновать «мятежника».

Но Роберт Брюс был для Изабеллы как брат, а не любовник. А что до Лахлана Макруайри... Джоан помнила грозного воина, что проник в ее спальню посреди ночи вскоре после того, как матушка покинула замок Балвени и уехала в Скун на коронацию Брюса. Тот воин объ-

---

* Неофициальное название северо-западной части Гебридских островов, принятое в Великобритании. — *Здесь и далее примеч. пер.*

яснил, почему Изабелла, вопреки своему желанию, не смогла взять с собой дочь. Он возглавлял отряд Хайлендской гвардии, отправленный охранять матушку, только и всего.

— Она замерзнет, умрет от холода, — слабо прошептала Джоан, пытаясь вызвать в отце хоть каплю жалости к женщине, что была ему женой тринадцать лет. К той, которую он любил так сильно, что не спускал с нее глаз и всегда окружал надежным караулом. Заботился, чтобы с ней ничего не случилось.

По крайней мере, так Джоан раньше думала. А может быть, это мама хотела, чтобы она так думала. Со временем девочка все яснее начинала понимать: брак ее родителей не был счастливым. И причина — в ее отце, в нем заключался какой-то изъян. Только мама не желала, чтобы дочь это видела. Чувство, которое Джоан принимала прежде за любовь, вовсе не было ею. Это была страсть собственника, властность и необузданная ревность.

— Пускай замерзает, — прорычал отец. — Будь моя воля, я приказал бы вздернуть ее на виселице. Я так и сказал Эдуарду, но король не решился казнить женщину. Даже ту, что заслуживает смерти. Ее заключение станет предостережением всем, кто задумает поддержать мятежного Короля-Разбойника.

Такое прозвище дали Роберту Брюсу англичане — окрестили его королем головорезов. О Брюсе и его сторонниках давно уже не было ничего слышно. Поговаривали, что они сбежали на Западные острова. На них была объявлена охота. Сколько времени пройдет, прежде чем король Эдуард схватит их?

Джоан понимала: они не вызволят ее мать, надеяться на их помощь не стоит. У Роберта Брюса и его людей и без того хватает забот: они пытаются спасти собственные жизни.

Нет, это предстоит сделать ей. Если кто-то и может помочь ее матери, так это сама Джоан. Отец привязан к ней, к «своей красавице-дочери», столь похожей на него. Она должна его разжалобить, упрямить, даже если он разгневется.

Джоан была, возможно, тихой и сдержанной, но никак не трусливой. В ее жилах текла благородная кровь двух могущественных графских родов Шотландии. Она набрала в грудь побольше воздуха и попыталась сглотнуть комок слез, подступивший к горлу. Потом подняла глаза и встретила взгляд отца.

— Знаю, вы думаете, будто она предала вас, отец, но матушка лишь делала то, что считала правильным.

— Правильным? — вскричал отец и так резко вскочил, что массивная скамья, на которой он сидел, опрокинулась с оглушающим грохотом. Обогнув стол, он схватил девочку за локоть и рывком поднял на ноги. — Как ты смеешь ее защищать?!

Может, Джоан все же была трусихой, потому что теперь испугалась не на шутку.

— Я н-не...

Но отец был глух к ее мольбам.

— Я тебе покажу, что такое «правильно», на случай если вздумаешь пойти по стопам своей матери, вероломной шлюхи. Я хотел избавить тебя от этого, но теперь вижу, что напрасно тебе попустительствовал, только избаловал. Вот ты и сбилась с пути, забыла, что такое преданность. Дочь Бьюкена... из рода Комин... никогда не назовет правильным вступление Брюса на престол.

Он потащил ее через главный зал. Одного взгляда на его свирепое лицо оказалось достаточно, чтобы даже самые любопытные отвернулись и опустили глаза. Джоан старалась успокоить отца, умоляла простить ее,

12 но тот был слишком разъярен и не слушал.

Ледяной осенний ветер пронизал девочку насквозь, несмотря на шерстяное платье, когда отец, толчком распахнув двери, поволок ее вниз по лестнице. Он приказал запрячь лошадей, их тотчас привели.

Джоан поняла, что он задумал.

— Нет, пожалуйста, отец. Не заставляйте меня. Я не хочу видеть...

— Ни слова больше, — злобно прорычал Джон Ко-мин. — Ты исполнишь мою волю, или я прикажу выпороть тебя плетью. Мне следовало пороть твою мать, чтобы выбить из нее своеволие. Так мы избежали бы бесчестия, этой гнили, поразившей нашу семью.

Джоан испуганно округлила глаза, не веря своим ушам. Плеть? Отец никогда еще не поднимал на нее руку. Но ее попытка защитить мать заставила его забыть о былой заботливости и отцовской привязанности. Не сомневаясь, что отец выполнит свою угрозу, девочка сдалась и не сопротивлялась, когда он грубо зашвырнул ее на лошадь и они поехали прочь, через земли Нортумберленда к замку Берик. Впереди было пять миль пути.

Никогда в жизни Джоан не чувствовала себя такой несчастной, как в ту минуту, когда они въехали в ворота замка. За время пути она не проронила ни слова. Отец казался ей незнакомцем, суровым безжалостным тираном, таким же, как английский король, которому он служил.

Уже стемнело, ее вытащили из дома без плаща и перчаток, руки и уши у Джоан замерзли.

Каково это, сидеть в клетке на самом верху башни?

Девочка содрогнулась то ли от ужаса, то ли от холода, а может, от того и другого вместе.

О господи, это невыносимо! Видеть, как матушка так жестоко страдает...

Но если и была у нее надежда попытаться снова тронуть сердце отца, воззвать к его милосердию, то мысли эти исчезли, когда он рывком сдернул ее

с лошади. Их взгляды встретились, и Джоан поняла: уговоры бессмысленны, он будто обезумел.

Она шла, опустив голову, сколько могла. Но когда они оказались в толпе зевак, отец велел ей смотреть.

Позабыв о страхе, она взмолилась:

— Пожалуйста, отец, не заставляйте меня...

— Смотри, черт тебя поberi! — Он обхватил ладонью ее подбородок и силой вынудил посмотреть вверх на крепостную стену. — Смотри, что бывает с изменниками и шлюхами, которые предают свою семью и встают на сторону лжекоролей.

В первый миг разум Джоан взбунтовался и скрыл от нее чудовищное, варварское зрелище за мутной пеленой. Но спасительная слепота длилась всего одно мгновение. Словно видения из ночного кошмара, в сгущающихся сумерках проступили тени. Все яснее и яснее становились они...

Колья деревянной решетки... железный каркас... тесная клетка, в которой едва можно стоять, выставленная на потребу жадной до зрелищ толпы... презрительные взгляды и ухмылки зевак.

Нет! Из раскрытого рта Джоан вырвалось невольное рыдание — она заметила какое-то движение в клетке.

— Мама! — Девочка всхлипнула и бросилась к башне, словно хотела освободить пленницу. Она рвалась к матери всем своим существом. Она должна была что-то сделать. Положить конец этому уродливому фарсу. Разве можно обращаться так с людьми? Разве мама способна вынести такое? «Ох, матушка, мне так горько!»

Она успела сделать лишь несколько шагов, когда отец схватил ее и оттащил назад. Джоан начала кричать, брыкаться, но он заставил ее замолкнуть.

— Сделаешь только хуже, — предупредил он. — Хочешь, чтобы она тебя услышала? Думаешь, твоя

14 мать хотела бы, чтобы ты видела ее такой?

Джоан понимала: отец лишь пытается избежать скандала, ему безразличны чувства ее матери. Но слова его достигли цели. Девочка чувствовала: мама не вынесет, если узнает, что дочь заставили смотреть на ее мучения.

И все же она не желала сдаваться. «Ты должна что-то сделать, — сказала она себе. — Матушке нужна твоя помощь».

Уже не опасаясь навлечь на себя гнев отца, она заговорила снова:

— Пожалуйста, отец, умоляю вас. Пожалуйста, помогите ей. Вы не можете оставить ее там.

Но он смог. Именно это и сделал граф Бьюкен, невзирая на мольбы рыдающей дочери, потащив ее к воротам замка.

Никогда прежде Джоан не чувствовала себя такой беспомощной. Она потерпела неудачу. Колени ее подогнулись, она упала бы на землю, если бы отец не удержал ее за локоть.

Боль и отчаяние на лице дочери заставили графа наконец опомниться. Черная пелена гнева, застилавшая ему взор, рассеялась.

Казалось, отец с опозданием понял, что, возможно, слишком далеко зашел. Он подхватил дочь и прижал к себе, словно красивую куклу из тех, что покупал ей, когда она была ребенком.

— Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть, дочка. Но это ради твоего же блага.

Джоан посмотрела на него как на безумца. Разве такое может быть ей во благо? Этого она никогда не забудет. В память навсегда врезалась беспощадная жестокость отца, который привез ее сюда.

Должно быть, выражение лица дочери встревожило его. Джону Комину явно было не по себе, когда он отвел прядь волос с ее лица. Коснувшись